

в одной существенной поправке. О популярности Н. Хомского можно говорить лишь среди сравнительно небольшой части лингвистов. В моей библиографии уже сейчас числятся свыше 30 работ самых различных зарубежных ученых, специально посвященных резкой критике построений Н. Хомского, в частности его теории «врожденных идей» и «порождающей грамматики». К сожалению, у нас в стране пока еще очень немного серьезных анализов концепции Хомского, которая, кстати сказать, постоянно и «круто» меняется каждые два-три года.

Как справедливо обычно говорят, критика должна быть конструктивной. Поэтому, когда в дискуссионной статье С. К. Шаумян и Ю. А. Шрейдер пишут о том, что в науке бывает иногда «ложные или поверхностные противопоставления», то хотелось бы думать, что авторы не считают такими противопоставления, относящиеся к идеологическим основам нашей науки.

К проблеме эргативности, вызвавшей критику, я попытаюсь вернуться в специальном очерке. Хочется еще раз подчеркнуть, что я никогда не стремился и не стремлюсь отождествлять грамматику языка и мышление человека. Это принципиально разные «сферы», но вместе с тем это и глубоко взаимодействующие «сферы». Поэтому я не могу не сожалеть, что почти все мои критики выносят проблемы грамматики за пределы общих проблем языка и мышления. Получается так, будто бы исторические изменения в грамматике разных языков сводятся лишь к «коловращению форм», и только. Подобная точка зрения безмерно обедняет грамматику, ее важнейшие содержательные категории. Проблема взаимодействия языка и мышления применительно к грамматике так же важна, как и применительно к лексике. Это давно доказали такие блестящие исследователи, как, например, Гумбольдт и Потебня. Разумеется, на каждом «уровне языка» данная проблема должна осмысляться с учетом своеобразия самого этого уровня.

Мне кажутся наивными опасения некоторых из моих оппонентов, которые, по-видимому, склонны видеть «проявление марризма» и «движение науки назад» чуть ли не во всякой попытке показать взаимодействие между уровнем развития грамматического строя языка и способом (характером) выражения мыслей и чувств людей определенной исторической эпохи. Между тем хорошо известно — приведу здесь элементарный пример, — что чисто грамматические возможности русского языка в допушкинский и пушкинский периоды были различны. Пушкин и сам содействовал произошедшим тогда изменениям, подготовленным всем предшествующим развитием языка (наряду, разумеется, с изменениями в лексике, семантике и ругими). Все это прямо способствовало большей точности и большему искусству выражения мыслей и чувств и самого поэта, и его современников. То же можно сказать и о переломных эпохах в истории самых различных литературных языков народов мира.

Грамматика, грамматические ресурсы языка отнюдь не безразличны выразительным возможностям самого языка в самом широком смысле того словосочетания. Столь же существенны взаимоотношения между различными по строю языками и в чисто формальном плане, и в плане только что упомянутых выразительных возможностей языков.

Не следует опасаться, как опасаются некоторые из моих оппонентов, что исследования подобного рода непременно завершатся отождествлением языка и мышления. Весь вопрос в том, с к а к и х п о з и ц и й проведутся подобные разыскания. При всем значении чисто формального плана

15. Л и б е р м а н А. С. Порождающая фонология: претензии и результаты. — Вопросы языкознания, 1972, № 6, стр. 40—54. В этой последней статье читаем: «В описании звукового строя языка Хомский отказался от фонологии — самого блестящего завоевания новейшей лингвистики — и вернулся к фонетике эпохи Брюкке и раннего инверса» (стр. 53). Н. Хомский уже давно предлагает двигаться в науке не вперед, а назад.